

Пролог

Величавая сибирская река гонит свои тяжелые, будто расплавленный свинец, воды с юга на север пять тысяч километров, до самого Ледовитого океана. Берега ее, разделенные сотнями метров, поросшие непроходимыми лесами, миллионы лет мрачно смотрят на свое отражение и друг на друга. Черные волны вылизывают песчаные отмели, обнажая бурый камень. Подрубленные водой стволы деревьев с треском наваливаются на воду и, подхваченные безжалостным течением, долгими месяцами кочуют к полярному кругу, пока многометровая толща льда не скует реку и все то, что оказалось на ее поверхности за быстротечную весну и недолгое лето.

Осени здесь почти не бывает. Лишь только солнце к концу сентября лениво выползает из-за верхушек вековых деревьев, тотчас теряет силу, без которой ему уже не подняться к мрачному серому небосводу. Листья за три ночи и три дня покрывают воду лоскутным глянцевым одеялом, и следом за первым колючим снежком

приходит долгая белая зима, с метелями, скрипучими морозами и бледной пустошью спящей в летаргическом сне природы. Все замирает, цепенеет до весны. Все спит, копит силы, укрепляет дух, чтобы с первыми прямыми лучами омоложившегося солнца вновь устремиться к северу, куда гонит свои воды большая судоходная река.

Под вязкой свинцовой ее толщей в неведомых глубинах режет холодную воду острым носом гигантская рыба — сибирский осетр. Вдоль стремительной линии мощного тела, острых как бритва плавников и сильного хвоста скользят рассветные лучи небесного светила, размытые тяжелой водой. Рыба плавно идет по течению и, вдруг развернувшись, будто субмарина, с тупым упрямством устремляется навстречу ему. Все здесь близко ей, все родное, исконное, верное. И нет для рыбы иных вод, иной жизни и не бывает иной судьбы. Так было, так есть и так будет!

* * *

Утро садится с черного небосвода на землю сизой мглой. Земля, теряя терпение в ожидании его, успевает остыть за ночь. Но с рассветом, освежившись росой, тянется кверху своими сонными испарениями, словно ладонями, воздетыми ввысь. На границе земного дыхания и серой небесной мглы голубым матовым светом клубится плотный воздух. Вот-вот грянет новый день.

Но вдруг тяжелую незыблемость тишины

разрывает мощный безжалостный рев, будто одновременно рвутся сотни смертоносных бомб. Мгла захлебывается ослепительно ярким огнем, и от земли, к дрогнувшему небу, в его все еще чернеющую холодную пустоту, натужно и упрямо устремляется сигарообразное стальное тело. Клубы дыма и огня не поспевают за ним, рвущимся в космос, подальше от земной тверди, от далекой холодной реки и тихо скользящей в подводной глубине рыбы. Это ракета, в нутро которой защиты тысячи электронных механизмов, датчиков, проводов...

Несутся в разные стороны живое, отливающее стальным блеском тело неразумной рыбы и мертвое умное стальное тело ракеты. Одно расщепляет плотную тяжелую воду, другое — густой, спрессованный собственной массой воздух. Расставаясь навечно, они, и об этом еще не ведает никто на земле и никто во вселенной, уже неразрывно связаны историей, начинающейся здесь, в космической бесконечности двух стихий — воды и неба. Лучи солнца наконец утопают в глубинах сибирской реки, а утро озаряет еще спящую по соседству казахскую землю, только что покинутую мощной космической машиной.

1

Президент сидел в глубоком кресле, задумчиво глядя сквозь огромное окно на яркое, стремительно удаляющееся «солнце». За его спиной о чем-то шептались. Он не прислушивался, потому что заранее знал, о чем могут говорить и даже думать эти люди. Ему становилось скучно. Будто все повторялось в сотый раз, будто дежавю стало реальностью, а не реальность порождала дежавю. Генерал устал от ожиданий, дороги, здешней предупредительности и липкого гостеприимства. Огненный хвост ракеты все еще маячил в утреннем небе, проглядывая сквозь высокие облака. Де Голль поднялся и потянулся, подавив зевок.

— Господа, я удовлетворен.

Он потерял руки, но и хозяева и гости приняли это за аплодисменты и стали бойко бить в ладоши. Генерал поморщился, но все же несколько раз негромко хлопнул перчаткой о правую ладонь.

«Вот так всегда, — посетовал мысленно генерал. — Стоит сморозить что-нибудь, этому тут же придадут чуть ли не демоническое значе-

ние! И сам же, чертыхаясь, подхватишь собственную глупость, иначе придется признаться, что не все, что ты делаешь, имеет смысл. Нацию нельзя разочаровывать!»

Рядом с ним уже стоял Алексей Косыгин, мрачноватый премьер советского коммунистического правительства, с огромной черной бородавкой на щеке. Впрочем, генералу он нравился. В отличие от быстроглазого и, казалось, жуликоватого Брежнева, он выглядел сухим серым технократом. Военным нравятся такие штатские.

— Лиха беда начало, — Косыгин холодно усмехнулся.

Генерал с удивлением посмотрел на русского переводчика, не поняв, при чем здесь беда. Переводчик, молодой мужчина в мятом синем костюме, засмутился и пожал плечами.

— Так принято, господин президент. В русском языке это означает, что все удалось с первого раза.

Генерал улыбнулся и поощрительно покачал головой.

— Я бы хотел видеть представителя фирмы «Анженье».

Сзади шепнули:

— Он здесь, ваше превосходительство. Ждет.

Генерал обернулся и посмотрел в сторону небольшой группы людей. Кто-то громко сказал:

— Анженье, фирма «Анженье»!

Вперед выступил полный мужчина лет пятидесяти, в полувоенной русской форме, подарке хозяев. Он учтиво поклонился и сделал еще

один шаг в направлении де Голля. Генерал протянул ему худую руку, и тот бойко зацепился за нее своей мягкой ладошкой.

— Хорошо, мсье, очень хорошо! Русская ракета будет смотреть на землю французскими глазами. Не так плохо!

Все засмеялись, пришли в движение. Главный конструктор, которого тут все называли Павловым, кивнул. Французская разведка созналась де Голлю, что его истинное имя ей не известно.

— «Анженье» делает великолепную оптику. Мы, к сожалению, ничего подобного еще не придумали.

Кто-то в русской генеральской форме нервно дернул «Павлова» за рукав плаща. Но тот лишь неприязненно двинул плечами.

— Да ничего подобного! Я давно уже докладывал об этом. Я настаивал! Алексей Николаевич...

Косыгин устало отмахнулся.

— Знаю, знаю, товарищ... Павлов. Мы с вами об этом не раз говорили. Но... что делать! Не всегда же быть первыми! Когда-нибудь и мы... И все же, друзья, ракета-то летит! Наша ракета! На следующий запуск, очень скоро, приедут товарищи из европейских социалистических государств, все руководители... Огромная сила! Мощь!

— Это колоссально, отец! — подхватил молодой французский офицер в морской форме.

Все повернулись к нему и заулыбались. Сын

президента все еще держал в руках мощный бинокль, через который почти с детским любопытством наблюдал за запуском «Востока». А он продолжал воодушевленно:

— Двадцать миллионов лошадиных сил, господа! Если собрать столько лошадей, во всей Франции им не хватит пастбищ! А вы видели инверсионный след этого гиганта! Шлейф королевы, да и только! Колоссаль! Колоссаль!

Де Голль кивнул и похлопал сына по плечу. Он понял слова Косыгина вовсе не с технической точки зрения, как сын.

«Мощь! — подумал он, выходя на свежий воздух из наблюдательного пункта. — Наверное, мощь! А оптика все же наша!»

* * *

Полковник КГБ Павел Борисович Смолянский в чуть старомодном сером штатском костюме сидел в вагоне поезда, нервно поеживаясь. Было жарко натоплено, но дрожь сотрясала его глубоко изнутри. Это было странно, непривычно. Смолянский болел всего лишь единожды: в детстве — скарлатиной. Болел так тяжело, так долго, что, видимо, отболел за всю оставшуюся жизнь. С тех пор его не беспокоила даже банальная простуда. Он не знал, что такое головная боль и даже расстройство желудка. А вот теперь, похоже, организм давал сбой: мелко, противно вибрировало что-то за грудной клеткой, словно трепетали под тяжестью груза стальные тросы.

Полковник не присутствовал на запуске ракеты. Там работали «гэрэушники» — коллеги из военного ведомства. Но он видел в окно, как поднялся к небу мощный «Восток», осветив всю округу и даже самые дальние уголки фешенебельного президентского вагона.

Это он, московский чекист, придумал операцию «Пальма-Один». Председатель КГБ СССР Семичастный ухмыльнулся, услышав название:

— Почему «Пальма»?

— Виноват, уж больно де Голль похож на это дерево. Высокий, худой...

— А вы пальму-то видели когда-нибудь? Живьем?

— Так точно. В Сухуми.

— Ну и?

— Они там маленькие... как ненастоящие.

— Что ж вы тогда их с президентом сравниваете?

— На репродукциях видел... африканские. В Алжире такие имеются.

— М-да... На репродукциях... Да бог с ним, с названием! С предложениями вашими я ознакомился. Вроде бы все продуманно. Имейте в виду, дело более чем ответственное. Это необычный гость. И, кроме того, с ним будет их разведка. Постарайтесь изъять из окружения наших, закрытых. Чтоб не «отсвечивали»!

— Это предусмотрено, товарищ председатель.

— С ответственным из ГРУ виделись?

— Так точно. Совместно разрабатывали. У них там свои меры.

- Полковник...
- Слушаю, товарищ председатель.
- Если все пройдет гладко, быть вам генералом!

Полковник вздохнул, задернул занавеску на окне вагона. Сел в кресло. Кто-то постучал в дверь.

— Войдите.

Заглянул майор Власин из местного управления, в ладно сидящей на нем полевой форме, в начищенных сапогах, в фуражке с необыкновенно высокой тульей.

— Павел Борисович, вас просят к гостям, в зону. Я здесь вместо вас... понаблюдаю.

— В зону? Это зачем еще?

— Не могу знать. Будут указания.

Смолянский внимательно посмотрел на Власина, молодого майора, для которого он, будучи лишь на два звания выше, воспринимался почти генералом. Все же московский, столичный полковник! Власин нравился Смолянскому — предупредительный и, похоже, неглупый. И говорит грамотно, не то что эти... военные выдвиженцы. Привычный московский говорок, акающий, чуть шепелявый.

«Вот произведут в генералы, заберу его в Москву. Обновлять надо кадры. Освежать, так сказать! — подумал он, прыгая со ступеньки на насыпь. — С чего это я?! Приятно, должно быть,

генералом себя чувствовать. Уже почувствовал... Ну, Власин! Молодец! В Москву поедешь!»

Он засмеялся и зашагал в сторону зоны, вдоль которой светились яркие прожекторы. Было уже утро, светло, но прожекторы не погасили.

«Бесхозяйственность! — цыкнул он языком. — Во всем бесхозяйственность! Светят почему зря! А впрочем, пусть себе светят! Мне-то какое дело!»

* * *

В четырехстах километрах от места, где в холодных темных водах большой реки обитала гигантская рыба, в полутора тысячах километров от наблюдательного пункта, где скучал французский президент, очень-очень давно, еще в 1604 году, построили город. Деревянные мостовые, кривые улочки, черные срубы, несколько каменных зданий для администрации и приехавшей из европейской Руси диковатой аристократии, шаткие пристани на реке Томь — вот все, что представлял собой Томск во младенчестве.

Он был рожден, чтобы стать форпостом русской экспансии в Сибирь. Его окружала бескрайняя тайга, кишашая диким зверем, племенами ненцев и многих других народов, названия которых были так незначительны для русских пионеров этих территорий, что даже не все сохранились в нашей исторической памяти. Известны лишь некоторые — ханты, эвенки, манси... Иностранцам, да и что душой кривить, самим русским почти ничего не известно о

многочисленных племенах тюркского и нетюркского происхождения, живших в бассейне Томи и Оби задолго до прихода сюда казаков Ермака. Ненцы, например, называли себя «хасова», русские же звали их самоедами или юраками. Самоеды, кстати, — это странным образом переосмысленное слово «самодийцы».

Эти племена, почти не претерпев изменений, существуют до сих пор — не защищенные от агрессивной, чужой им цивилизации сообщества древних и порой даже дремучих людей. Если идти все дальше и дальше на восток, можно встретить их дальних родственников — эвенков, чукчей, а перевалив через Берингов пролив, — эскимосов, а еще дальше — племена североамериканских индейцев. Только кожа становится у людей в этих, далеких от Сибири, местах краснее, а глаза — круглее. Но краснокожие родственники живут далеко, за болотами, тайгой, глубоководными реками, проливом и горами. Здесь же, в Сибири, в становищах местных племен, никто и не ведает о чудной своей родне.

Природа, расщепившая человечество на расы и отделившая людей друг от друга непроходимыми землями, сделала тем не менее все, чтобы приспособить организмы экзотических существ, например к суровым сибирским условиям. Но и она оказалась бессильной перед нашествием белых европейцев, умудрившихся сломать быт, а порой и жизнь беззащитных доверчивых северян. Они так и не поняли, зачем пришли чужие и чему они хотят научить их, жи-

вущих в непроходимой тайге, на берегу полноводных ледяных рек, питающихся редкой и исключительно дорогой для европейцев рыбой и икрой, так же, как в Европе, например, питаются огородной зеленью. Они никогда не понимали, в чем ценность золота и алмазов, которые добывались в этих местах приезжими. Ведь из этого не построишь дом, этим не согреешься в мороз, не насытишься в голод. Берите, однако, если хотите, свои блестящие игрушки, возьмите от нас в подарок и рыбу, и икру, и теплые меха. Берите! У нас этого много! Всем хватит...

Они редко доживают даже до сорока лет. Их организмы не приспособлены к расщеплению спиртного, но тем не менее бутылка водки, даже плохо очищенная, до сих пор самое желанное лакомство, местная валюта, за которую можно уступить то, что так дорого белым пришельцам, чего здесь всегда было в изобилии и что (если речь идет о съестном) местные племена считают немудреным угощением на своем повседневном столе. Приходи и бери! Никто не ударит по рукам, не вырвет из глотки, ничья кровь не прольется, разве что кого-нибудь из них, улыбчивых туземцев с «раскосыми» и добрыми «очами». Да мало ли! Закон — тайга, прокурор — медведь...

Главный человек в их племени — шаман. Селятся они родами и семьями, в которых основную роль играют мужчины, приземистые, жилистые, желтолицые.

Немец Брокгауз и петербуржец Ефрон на рубеже позапрошлого и прошлого веков в 86-том-

ном энциклопедическом словаре сообщали об этих местах и главном городе: «Томск, губернский город, на правом берегу реки Томи, 67 419 жителей; культурный и торгово-промышленный центр Западной Сибири; 123 фабрики и завода с производством на 3162 рубля, 20 кредитных учреждений, университет (784 студента), технологический институт (1016 студентов), 8 средних учебных заведений; благотворительные, ученые и другие общества, газеты; городской доход и расход 641 тысяча рублей, долг 1076 рублей »

Север губернии, писали издатели, болотист, непроходим. Назывался он Нарымским краем и был местом ссылок, из которых бежать было делом хлопотным и крайне опасным: непроходимые леса, глубокие реки, долгая холодная зима и почти полное отсутствие дорог. Юг, напротив, плодороден, а все остальное — все те же леса, леса, леса... Тайга!

Почти триста тысяч человек, жившие тогда здесь, растили хлеб, умудряясь собрать кое-какой урожай за короткое лето, разводили скот, охотились на дорогого пушного зверя, собирали кедровые шишки, давили масло из их орехов, а еще ловили рыбу, добывали икру. Ту самую рыбу и ту самую икру, которую далеко не все цивилизованные европейские народы могут ежедневно видеть на своем изысканном столе.

Город рос и развивался, прибавляясь в народонаселении и копя долги. Словарь старого ученого немца и издателя-петербуржца безнадежно устарел. К Воскресенскому собору, ма-

гистрату, зданиям «присутственных мест», уютным теплым особнякам приросли дымный вокзал и шумный аэропорт. Разрезала тайгу близкая Транссибирская магистраль, отбросив еще дальше в непроходимую чащу немногочисленные теперь местные племена. В позапрошлом, то бишь XIX, веке затрещала тайга от старателей, а с приходом суровых большевиков — еще и от рева неведомых стальных чудовищ, рождение коих на дымных заводах считалось наивеличайшим секретом государства. Речь об оружии дальнего действия, аналогов которому порой не имелось ни у тех, кто прижился на землях индейцев, дальних родственников ненцев и эвенков, ни у тех, кто селился на комфортных землях старой Европы.

Запомним эти места, этот город, не забудем и об оружии, ведь именно с этими не зависимыми друг от друга «объектами» связана наша сумасшедшая история.

А в холодной реке плывет, как и прежде, серебристая гигантская рыба...

2

Майор Власин поскучал немного в президентском вагоне, полистав французские газеты, и вышел в тамбур. Хотелось курить. Ему всегда особенно остро хотелось курить, когда делать это было нельзя. И вообще, у него прямо руки чесались что-нибудь сделать, когда это реши-

тельно возбранилось. Саша Власин боялся самого себя. Он и в КГБ-то пошел лишь потому, что дед, старый вояка, категорически возражал.

Дед открыто не любил чекистов. Может, потому, что когда-то Сашин отец, чекист, бросил семью — жену, сына, и ушел к молодой известной актрисочке. Дед так издевательски был упрям в своем презрении к чекистам, называя их «жандармским отродьем», что Саша однажды просто взял да и подал документы в одну из специальных школ в Москве. Дед тяжело переживал, отказался видеться с внуком. Но Саша, как настоящий представитель рода Власиных, проявил поистине дедовское упрямство.

Перед самой смертью, накануне выпуска Саши Власина и производства его в офицеры, дед наконец простил внука. Но пригрозил пальцем и строго посмотрел Саше в глаза. Только и сказал: «Не сметь! Слышишь! Не сметь!»

Что именно «не сметь», Саша так и не понял. И каждый раз, участвуя в очередном деликатном деле, напряженно думал: «Может, дед это имел в виду. Вот именно это и не сметь!» Ему приходилось труднее, чем коллегам. Им-то никто пальцем не грозил и не говорил: «Не сметь!» Они смели, а он — нет. Поэтому, наверное, однажды, подальше от греха, и загнали его начальники в Семипалатинск, а оттуда на далекий, пыльный летом, промозглый осенью и вьюжный зимой, Байконур. Саше очень хотелось домой, к маме и к старой, выжившей из ума бабке.

Он так и не женился. Жил с полукровкой

(помесь казашки с русским), молоденькой медсестрой из санитарной части. Жил и грезил Москвой. Сестричка наивно поглядывала на него своими узкими глазками и пожимала плечиками: куда, мол, рвешься, касатик! Неужто здесь плохо? Разве бывает лучше?

Саша спрыгнул со ступенек на землю и только успел закурить, как услышал характерное постукивание металлического молота о буфера колесной пары. Вдоль вагона, в сопровождении солдата, с другой стороны насыпи шли двое рабочих. Они не торопились. Останавливались у каждой колесной пары, поругивались лениво, безадресно, звенели молотком, затягивались папиросным дымом и шли вразвалку дальше. Солдат устало брел за ними, сбрасывая с насыпи мелкие камни.

— И то хорошо, Серега, что этот... француз... приехал.

— А чего ж хорошего-то! Ну, приехал! И уедет в свою Францию! Как миленький уедет! Век воли не видать!

— Скажешь тоже! Накличешь — «век воли не видать»! Типун тебе на язык. Куда ж ему деваться, как не во Францию? Сюда, что ли, в наши степи, в солончаках жить? Он тебе что, казах? Он же француз! Президент! Генерал! Небось барон какой-нибудь или даже граф! Во как!

Рабочие остановились как раз напротив майора.

— А чего ж ты говоришь, хорошо, мол, что приехал?

— А как же! Кто бы стал дорогу сюда тянуть, если бы не готовились к французу? От Тюра-Тама, от станции... И платформу посадочную никто бы не стал строить. Ее мужики знаешь как прозвали?

— Как?

— Деголевкой. Во как!

— Почему это Деголевкой?

— Для него строили. Чтоб приехал. Деголя этот. Генерал то есть. Понял, голова два уха!

Солдат шваркнул каблуком по камням.

— Вы чего болтаете! Какой такой «деголя»? Деревня. Де Голль! Президент Республики Франция. «Деголя, деголя»... Говорят вам, говорят, а вы все свое!

— Тоже мне, яйца курицу учат! Ты-то откуда знаешь, сопляк?

— Я те не сопляк, а часовой. А знаю от политинформации. Чай, в тысяча девятьсот шестьдесят шестом живем! Грамотные! «Деголя», «деголя»... Давай быстрее! Сейчас состав на «Деголевку» подавать будут! Не здесь же президент будет карабкаться в вагон!

Солдат ворчал где-то уже далеко. Майор слышал, как постукивают зло молотком рабочие по колесам.

Власин не хуже других знал, что такое эта колея. Без нее мучение было! Вот, не приехал бы француз, так бы и ездил из Ленинска вместе с другими на испытательные комплексы «мотовозами»! Теперь порядок! Поездом, в вагончике! Как человек! Спасибо француз!

Три километра пути на «мотовозе», то есть на обычном открытом грузовике, было делом рискованным. Запрыгивали в машину только на ходу, потому что останавливаться водителям в Тюра-Таме было запрещено под страхом суда. Однажды Власин и офицер-ракетчик, запрыгивая на «мотовоз», больно столкнулись лбами. Офицер угодил прямо под спаренные задние колеса, а Власин очнулся только в госпитале. Ему больше повезло. С поездом такого не может случиться: сели, поехали, приехали, остановились, вышли. Как в метро!

От зоны к вагону спешил полковник Смолянский. Он махнул Власину рукой. Майор подтянулся и незаметно выкинул недокуренную сигарету. Налетел ветерок, теплый, настойчивый. Красноватая пыль поднялась над головой. Мелкие колкие пылинки попали майору в лицо. Он сплюнул, но тут же смутился. Полковник был уже так близко, что Власин сумел разглядеть веснушки на его лице.

«Почему я их не замечал раньше?» — подумал он.

Майор понял — полковник бледен. Значит, всерьез взволнован. Поэтому обычно незаметные веснушки теперь выступили на его лице. На лбу Смолянского бисером поблескивали мелкие капельки пота.

— Идите к себе, майор. Срочно сдавайте дела. Полчаса на все про все! — резко сказал Смолянский и ловко запрыгнул на подножку вагона.

Майор в недоумении смотрел на него.

— Черт! Неужели не ясно! Вы едете с нами. Даже впереди нас...

Майор все еще недоумевал. Растерянность была так ясно написана на его лице, что Смоленский засмеялся.

— Ничего страшного, майор. Это не больно. Я отстоял вас перед вашим же генералом. Вы включены в специальную группу.

— Я должен собраться, товарищ полковник. Вещи дома...

— Чушь! Все, что необходимо, получите в первом вагоне у лейтенанта Стойкина. Быстро, черт вас поberi!

Майор побежал к станционному домику с табличкой «Деголевка», в самом начале зоны, у основных ворот. Оттуда до управления минут десять быстрым шагом, значит, бегом — три минуты с половиной. Попрощаться со всеми, доложить шефу — еще пять минут, обратно к поезду — три минуты. Пожалуй, можно уложиться.

Власин бежал, не чувствуя под собой ног. Впереди замаячила Москва, мама, полоумная бабка, их уютный, пахнувший старой кожей дом на Смоленской. Это дедовы портупечи, ремни, старые сапоги, ножны от финского ножа, форменное кожаное пальто, потрескавшееся от времени... Саша Власин шел на запах, как усталый конь стремится к далекому жилью, как голодный волк чует отару, как шальной кот, втягивающий в свои розовые ноздри запах теплого молока.

* * *

Артур Егорович Петров, щедушный, приземистый суетливый юноша, родился в Томске в старом бревенчатом доме у самого причала, когда-то целиком принадлежавшего его деду, потомственному портовику, заслуженно уважаемому человеку в здешних местах. Но к тому времени, когда родился Артур, в доме уже теснилось шесть семей, а дед допился до таких чертиков, что сын, невестка и жена запирали его в душной маленькой комнатенке и выпускали во двор только по нужде три раза в день, по десять минут, и один раз за ворота — дойти до «Галантереи». Дед не простил власти реквизиции дома и, протестуя, пил тройной одеколон, который покупал в галантерейной лавке. Так и почил в своей комнатке, с флаконом тройного в руках.

Артур как-то спросил, почему он хлещет только одеколон. Дед со знанием предмета ответил, что для малограмотных такелажников, матросов и машинистов железнодорожного депо это — одеколон, а для знающих людей — самый что ни на есть деликатесный благородный напиток «джин». Русские, мол, не разобрались когда-то и приняли «джин» за парфюмерию. Вот он теперь ошибку и исправляет. Это его личный марш в ногу со всем цивилизованным миром, и за ним по этому пути еще пойдет вся страна. Шаги к западной цивилизации он делал такие поспешные, наполненные и решительные, что, видимо, обогнал страну навсегда, по-

тому что Артур, даже став зрелым человеком, продолжал считать тройной одеколоном, а джин всего лишь его близнецом по резкому парфюмерному запаху.

Отец Артура Петрова работал машинистом в депо. На него и намекал дед, когда ставил его профессию в один «темный» ряд с такелажниками и матросами. Егор Петров предпочитал водку. Всем остальным брезговал. Поэтому с дедом, то есть со своим отцом, у него никогда застолья не получалось. Он дожил до сорока девяти лет и скончался от сердечного удара во сне. Накануне излишне усугубил водочки, отчего сердце и не вынесло тяжести прошедшего дня.

Все это считалось вполне обычным для России — и пьянство деда с отцом, и отъем дома с его дальнейшим «уплотнением», и путаница предметов и их значений. Загадочным было лишь имя Артура. Почему вдруг в исконно русской, без примесей и нюансов, семье появилось это имя, никто вразумительно объяснить не мог. Правда, сам Артур подозревал, что нарек его дед, в очередной раз решивший продемонстрировать темному окружению свою близость к западной цивилизации: Артур и тройной одеколон, то есть джин... Больше ничего в голову не приходило.

Рос мальчик внимательным, неброским. В школе звезд с неба не хватал, но безошибочно оценил свой потенциал и решил занять достойное место в управлении общественной жизнью. За этим самым общественным бытием, как известно, личных способностей не разглядеть —

все обобществлено, усреднено и сглажено. Получилось с первых шагов — конкуренция отсутствовала. Его сверстники, как правило, с неохотой занимались этим невеселым делом. Артур Петров укрепился на общественно-бюрократических позициях, возглавляя аморфные юношеские массы в их неосознанном стремлении к всеобщему счастью, классовому равенству и многонациональному братству.

В армию молодой человек не попал — плоскостопие, загадочные шумы в сердце, хронический гастрит, да к тому же слишком малый рост. Он поступил в техникум работников железных дорог, возглавил там комсомольскую ячейку, а после окончания курса обучения сразу был распределен в городской обком комсомола на мелкую, незначительную должность. Тогда же и женился. Катя, супруга, училась в техникуме сельскохозяйственном.

Родился сын, через год — второй. За это время Артур поднялся по службе всего лишь на ступеньку: здесь конкуренция присутствовала, и даже в весьма острой форме. Все были общественниками, а многие даже имели ярко выраженные видовые признаки: зоркий глаз, отличная реакция, великолепный слух, гибкое тело и острые зубы. Все это в той или иной степени обнаружилось и у Артура, разве что зубы оказались мельче, чем у других, да немного страдала реакция и острота зрения. Зато почти всех он превосходил по гибкости тела и чуткости слуха.

Артур Петров проявил себя как человек

сдержанный и надежный. Имел только две слабости. Первая досталась ему от отца с дедом. Правда, в отличие от своих ближайших родителей, у него не было явных привязанностей: не брезговал ни водочкой, ни самогончиком (правда, истины ради следует заметить — только очищенным), ни винцом (в основном недорогими портвейнами), ни наливочкой. От жены получал нагоняй, зато поощрялся коллегами по работе. Не отказывался сбегать за спиртным, закуской, накрыть на стол, напилить хлебушек и порезать жирную колбаску.

И все же Артур Егорович старался поменьше отсвечивать своей нетрезвой физиономией в «присутствии». Ощущал опасность в этом — как бы не прилипло, что склонен к выпивке, стало быть, ограниченно надежен. Посему сочетал он эту свою небольшую слабость с другой — рыбалкой. Да не просто с удочкой посидеть туманным утром на берегу Томи, поклевать носом, выпить бутылочку, закусить огурчиком да вернуться домой. Рыбалка для него была делом серьезным, ремеслом достойным, удовольствием превеликим. Так и говорил — дело, ремесло, удовольствие.

Всю местную рыбу, все ее хитрые повадки, жизненное расписание знал доподлинно: где какая тварь водится, на какой глубине ходит, когда и где нерестится, как ловится и с чем естся. А как Егорыч (на рыбалке его только так и звали, с уважением да признанием) уху варил! И тебе котелки к случаю (не всякий и не на всякую

рыбу подойдет), и лучину только от подходящего дерева в жирном вареве гасил, и водочки плескал не сколько руке угодно, а сколько рыбе требуется. И поленца сам отбирал, подкладывал со знанием дела — не валил все подряд, а отбирал придирчиво, даже немного нервно. Позволял себе в этих случаях на людей покрикивать, ворчать, сердиться, супя редкие брови. В городе на тех же людей глаз бы не поднял, а не то что прикрикнул. А тут... другое дело! Они это ценили, принимали за экзотику истинной рыбалки.

Местные к нему тоже с доверием относились — ненцы. Доверяли, впрочем, как и всем, без задней мысли. То есть коей у ненцев вообще-то сроду на задах сознания не водилось. Егорыч пользовался уважением и у местных диких рыбацких артелей, состоящих сплошь из спившихся личностей: никогда без водки не приезжал, лишнего не брал, по шее не бил и другим не велел. А об удилищах, сетях и прочих приспособлениях для лова различной рыбы нет смысла и вспоминать. Тут равного ему не было. Как и в знании опасностей, подстерегающих рыбака.

Как-то приехал из Москвы ко второму секретарю одного из райкомов партии (имени его никто и не вспомнит — мелкий, серый был человечиска, да и продержался недолго) именитый гость. И сразу захотел порыбачить. Вот тут-то и вспомнил секретарь про Егорыча, и ну давай звонить его начальству: подать, мол, к утру его на выезд из города, и чтоб со всеми удочками, леской, крючками да сетями. Водки не надо,

самим некуда девать! И чтоб с котелками, солью, картошкой и прочим для настоящей томской ухи. С гостем на рыбалку и второй секретарь собрался, и парочка инструкторов, и даже комсомолок каких-то прихватили.

Артур Егорович только обрадовался. А как же! И кутнуть, и рыбку добыть, и водочки попить, да еще с начальством побалагурить, понежиться в рыбацком панибратстве. Все к делу! Все с пользой!

Словом, поехали. От Томи долго добирались до Оби, где настоящая рыба в самых донных местах ходила, где ни души не встретишь, где эхо на рассвете звучит даже раньше голоса — только оттого, что подумаешь, чуть губами шевельнешь.

Захотелось гостю осетринки. Настоящей, сибирской, не старой еще, не очень крупной, но и не мелочи досадной. Из нее уха — великий деликатес! Снарядил все Петров, всех по местам поставил, и наловились рыбка «не большая, не маленькая».

Уху варили в двух котелках — в одном по «егорычевски», а в другом — по рецепту важного столичного гостя. Причем тот секретничал, колдовал над котелком, пробовал на вкус бульон и со знанием дела закатывал к небу глаза, чмокал задумчиво губами, солил, перчил. Даже рыбу по-своему разделявал. Говорил, что рецепт достался ему от старого большевика, когда-то сосланного на Север советской властью. На старости лет древний, кругом больной оди-